

Екатерина Деминцева

Сергей Абашин. Советский кишлак: Между колониализмом и модернизацией. М.: НЛО, 2015. 848 с. ISBN 978-5-4448-0219-9.

Екатерина Деминцева. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, Покровский бульвар, д. 8, офис 305, Москва, 109028, Россия. edemintsrva@hse.ru.

Объяснять, почему книга требует обязательно прочтения антропологов, историков и востоковедов, не приходится, так как уже во введении автор обращает внимание читателя на уникальность своей монографии. Сергей Абашин отмечает, что от начала сбора полевого материала до выпуска издания прошло 20 лет, на протяжении которых он периодически жил в кишлаке (причем эти периоды имели разную продолжительность), брал интервью у его жителей, возвращаясь через несколько лет к своим собеседникам, работал в архивах Узбекистана и Таджикистана, но – главное – не торопился с изложением собранного материала в 800-страничной монографии, определяя возможные методологические подходы. Книга «вылежалась», и в результате мы видим анализ социальных процессов, происходивших в отдельно взятом кишлаке, сделанный с учетом существующих методологических подходов к изучению отдельно взятого сельского сообщества.

На первой же странице монографии автор признается, что его становление как ученого происходило на рубеже советской/российской эпох, когда значительная часть информации, полученной в университете и в первые годы научной деятельности, оказалась не нужна, а формирование взглядов ученых этого поколения происходило в значительной степени благодаря самообразованию и, порой беспорядочному, чтению научной литературы в зарубежных библиотеках и первых появившихся в России переводах западных классиков. Абашин делится своим опытом изучения теоретического материала, видением новых тенденций в мировой науке, пониманием того, как необходимо анализировать собранный материал. Структура книги, ее понятийный аппарат и форма изложения материала свидетельствуют о ее соответствии высоким стандартам мировой научной литературы и качественно выделяют это исследование из большинства работ, написанных по этой тематике в России.

Как указывает автор, некоторые части книги уже были опубликованы в виде статей, но все же главы, названные им «очерками», не являются полным пересказом или переводом предыдущих работ, а вписаны в общую канву повествования с учетом новых материалов и подходов к теме. Часть статей была опубликована на английском языке в ведущих международных журналах (Abashin 2006, 2014). В конечном итоге книга представляет собой историко-антропологическое исследование, в котором Сергей Абашин ставит перед собой цель «скользить от одной линии к другой, наблюдать за разными понятиями, применять их к своему случаю, смотреть на изучаемое общество с разных концептуальных точек зрения» (с. 45).

Прежде чем приступить непосредственно к изложению материала, Сергей Абашин выделяет все те понятия, которые, по его мнению, являются ключевыми для работы с собранным материалом: «традиционность», «модерность», «светскость», «колониальность», а также выбранное автором основным для работы – понятие «локальность». Он не ставит перед собой задачу отделить одни или опровергнуть другие теоретические подходы, а делает попытку через историографию «показать проблемность перечисленных выше понятий, споры, которые они вызывают, и направления поисков, которые ведутся...» (с. 10). Во введении, обращаясь к теоретическим работам российских и зарубежных историков и антропологов, автор анализирует несколько основных, с его точки зрения, работ по каждой теме, чтобы «показать общее направление рассуждений» (с. 24) современных ученых. Он ставит перед читателям вопросы («с какого времени заканчивается не-современность и начинается современность, какие признаки считать несовременными или современными?» (с. 11); «является ли советское общество итогом социального эксперимента, осуществленного группой облеченных властью или захвативших ее людей?» (с. 28)), которые задавал себе во время работы, и на страницах книги отвечает на них, не выбирая при этом какую-то одну точку зрения, а анализируя аргументы сторонников разных позиций, часто – предоставляя читателю возможность самому подключиться к анализу.

Книга состоит из десяти очерков, и все они связаны с жизнью расположенного в Таджикистане узбекского кишлака Ошоба. Автор не пытается экстраполировать свои выводы на всю Среднюю Азию, он рассматривает специфические черты именно этого кишлака, его уникальность и исключительность. «Говоря об одном кишлаке, я предлагаю увидеть среднеазиатский регион как внутреннее сложное пространство, в котором существует множество таких кишлаков [...] мой текст подразумевает критику самого понятия “Средняя Азия” как целого, как отдельной сущности...», – отмечает Абашин (с. 47). Он не пытается вывести общую формулу социального устройства кишлаков региона. Как антропологу, ему важно разглядеть специфику отдельного поселения, разобраться в процессах, происходивших там с конкретными людьми под влиянием определенных исторических событий.

Через жизни обитателей кишлака, рассказанные ими предания и семейные истории, собственные наблюдения автора, а также собранный архивный материал автор реконструирует историю (а точнее – истории) отдельно взятого селения, предпринимая попытку не то чтобы доподлинно узнать о происходивших в последние полтора столетия событиях, но хотя бы понять «логику локального взгляда, когда события видятся и оцениваются исходя из местных представлений о долге, его нарушении, обиде и мести» (с. 156). Знакомя читателя с заметными в кишлаке фигурами (например, с героем очерка «Маленький Сталин» Ортыком Умурзаковым), он воспроизводит локальный нарратив «подчиненной истории прошлого, рассказанной самими ошобинцами с местной точки зрения на окружающий мир» (с. 127). Автор задается вопросом, почему одни воспринимают этого человека как местного героя, а другие интерпретируют те же самые факты из его биографии как преступления по отношению к соотечественникам.

В каждом очерке автор рассматривает организацию социальных институтов на локальном уровне, роль государства на разных этапах истории в жизни местного общества, а также восприятие этих институтов жителями кишлака. По мнению Сергея Абашина, именно серия очерков, а не хронологически выстроенное монографическое исследование позволяет «удерживать взгляд» читателя, не дает ему «утонуть в деталях» (с. 49). Так возник очерк «Империя» – о роли российского государства на завоеванных им территориях в конце XIX века и восприятию местным населением в небольшом селении в Средней Азии новых институтов, привнесенных государством. Или очерк о комсомольской свадьбе и вращении советских форм организации общества в среднеазиатское сообщество.

Книга читается легко и быстро, этому способствует выбранный стиль изложения: Сергей Абашин ведет диалог с читателем, рассуждая не только о выборе теоретических подходов, но и о технических проблемах, возникающих при написании текста (например, о трудностях транслитерации узбекских и таджикских имен и названий), автор подробно рассказывает о решении той или иной проблемы при выборе темы для очерка или при анализе какого-то из описанных случаев. Читателю понятна (поскольку подробно описана) логика его рассуждений в каждом отдельно рассматриваемом сюжете, и иногда возникает ощущение, что своими пояснениями Абашин заранее отвечает на возможные вопросы, которые могли бы появиться при прочтении материала. Автор как бы приглашает читателя побыть в роли исследователя. Часто игнорируемые учеными при написании текстов вопросы, связанные с организацией быта в поле, выбором места исследования, неудобствами и ошибками, подробно описаны у Абашина и привлекают еще больший интерес к книге. Так, при беглом просмотре содержания монографии возникает вопрос: почему, например, ошобинской больнице посвящен отдельный очерк, но уже в начале главы автор рассказывает о своем вынужденном проживании в больнице в один из приездов. «Сложности проживания» помогают антропологу выйти еще на одну тему для анализа, и рождается очерк о роли европейской медицины в имперской и советской Средней Азии. Автор рассуждает о вопросах модернизации, сравнивая появление современной медицины и медицинских учреждений в конце XIX – начале XX веков в Средней Азии со схожими процессами в европейских колониях того же периода.

Заключение по сути является инструкцией по работе в поле для начинающих исследователей. Рассказывая о собственном опыте, выборе кишлака, установлении контактов с местными жителями, проблемах вхождения в поле, автор отвечает на многие вопросы, волнующие молодых ученых. Наблюдение или участие? Какова роль антрополога в исследовании и как выстраивать отношения с жителями изучаемой деревни? Какой должна быть дистанция у исследователя по отношению к изучаемому им обществу или ее не должно быть вовсе? Как понять, закончено ли исследование, и как решить вопросы этического характера, если ты знаешь, что некоторые опубликованные результаты могут навредить ставшим тебе близкими собеседникам? Вместо обобщающих выводов Абашин рассуждает о том, что же еще осталось неизученным, что выпало из поля видения в середине 1990-х годов и о чем можно было бы написать сегодня. Он вспоминает работу Ахила Гуп-

та и Джеймса Фергюсона (Gupta and Ferguson 1997), в которой авторы рассуждают о том, что «современные антропологи играют разные гендерные, социальные и культурные роли и, соответственно, имеют разные представления о том, что и как следует изучать. Они ищут новые вопросы и темы, обращая внимание на разные виды движения...» (с. 700).

В книгу не вошла глава о миграции, которая появилась бы в ней обязательно, если бы автор с самого начала обозначил для себя эту тему. Однако, как он сам подчеркивает, в первые годы исследования «внимание было приковано к месту... Видимо, кризис и идущая в начале 1990-х годов в Таджикистане гражданская война сами усиливали эту жесткость локальности, временно снижали влияние внешних воздействий и отношений, вынуждая и меня ограничивать мой обзор» (с. 700). И когда в 2010 году исследование возобновилось, профессор Абашин, занимающийся в последние годы в Европейском университете именно миграционной тематикой, увидел, что тема миграции стала одной из ключевых для местного сообщества. Однако именно жесткие требования автора к самому себе, следование сформулированной им методологии в работе с материалом не позволили лишь на материале последнего года исследования описать влияние миграции на жизнь кишлака. «К сожалению, я могу лишь обозначить это явление, но не анализировать его более детально», – пишет автор (с. 702). Возможно, непоставленная точка говорит о возвращении автора в Ошобу и планах на новые очерки о судьбах мигрантов и их семей.

В заключение лишь добавлю, что «Советский кишлак» – одна из редких в постсоветской России монографий, которую можно включить в список ключевых научных трудов мирового уровня, посвященных исследованию Средней Азии. Возможно, читательская аудитория книги увеличилась бы, будь она опубликована на английском языке, и осмелюсь предположить, что тогда она была бы внесена в список литературы для обязательного чтения на исторических и антропологических факультетах ведущих университетов мира. Пожалуй, последнее замечание стоит рассматривать как пожелание к автору.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Abashin, Sergei. 2006. "The Logic of Islamic Practice: A Religious Conflict in Central Asia." *Central Asia Survey* 25(3):267–286.
- Abashin, Sergei. 2014. "The 'Fierce Fight' at Oshoba: A Microhistory of the Conquest of the Khoqand Khanate." *Central Asia Survey* 33(2):215–231.
- Gupta, Akhil, and James Ferguson. 1997. "Discipline and Practice: 'The Field' as Site, Method, and Location in Anthropology." Pp. 1–46 in *Anthropological Location: Boundaries and Grounds of a Field Science*, edited by Akhil Gupta and James Ferguson. Berkeley: University of California Press.